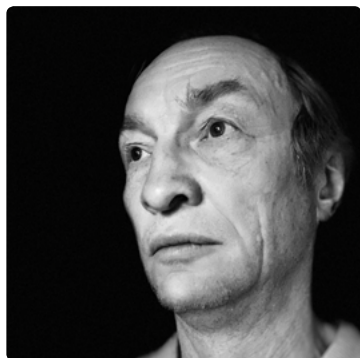

Формирование новой системы требований к личности руководителя в условиях цифровизации управления

Яковлев Лев Сергеевич

Доктор социологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Поволжский институт управления, Саратов, Российская Федерация
e-mail: lionel1801@gmail.com

Аннотация

Обсуждаются перспективы личностного развития в сфере управленческой деятельности, связанные с информатизацией общества. Основное содержание исследования составляет анализ системы дискурсов управленческой деятельности в условиях цифровизации. Реализуется генетический подход к осмыслению логики воздействия информационных технологий на содержание и формы управленческой деятельности. Проведённый анализ позволил выделить ключевые элементы специфики личностного развития, связанные с информатизацией: клиповое мышление, геймификация, визуальный поворот, проектные модели идентификации.

Ключевые слова

• цифровизация управления • идентификация • личностное развитие • человеческие ресурсы • геймификация • научное управление •

Введение

Актуальность настоящей работы определяется настоятельной потребностью в научном анализе новых тенденций в процессах личностного развития работников сферы управления. Информатизация коренным образом изменила условия и систему факторов социализации будущих управленцев на всех этапах развития, институты их подготовки, механизмы их взаимодействия между собой, внутри властных структур, управленческой деятельности, обратных связей в ней, и всей системы коммуникаций. Обращение граждан в органы власти через портал госуслуг с использованием смартфона из любой точки городского пространства представляет собой не просто использование новых инструментов для традиционных действий, но является элементом кардинально новых схем поведения новых акторов. Единые федеральные базы данных – не просто хранилища такой же, как сто лет назад, информации, но мощный инструмент поддержки принятия решений.

Мир радикально меняется, предъявляет новые требования к менеджменту на всех уровнях, а, следовательно, к личностным характеристикам управленцев. Но у нас нет адекватного новым задачам научного инструментария для полноценного анализа порожденных информатизацией изменений. Этим определяется актуальность избранной темы.

Проблемы цифровизации управления в контексте формулирования требований к государственным служащим интенсивно разрабатываются в российской науке [11; 13; 17; 18]. Артикулируются аспекты, связанные с анализом возможных противоречий развития цифровизации управления [1; 8], цифровой культурой [27], технологиями работы с кадрами управленцев [25], механизмами формирования их идентичности [3; 9; 10; 12; 21; 22].

Анализ литературы позволяет уточнить цель данной работы: формирование, на основании комплексного социокультурного анализа логики изменения, в контексте цифровизации общества, условий и факторов подготовки к управленческой деятельности и ее осуществления, подходов к осмыслению новой парадигмы процессов личностного развития управленцев.

Методы и выборка

Логика построения исследовательской программы обусловлена необходимостью признания, в рамках выделенного круга проблем, одновременно высокой значимости человеческого фактора и определяющего действия объективных процессов, детерминирующих содержание как самого этого фактора, так и характера его воздействия на объективную реальность. В абсолютном большинстве стран мира, включая Российскую Федерацию, стремительное усложнение технологических, коммуникативных систем, создало предпосылки для признания возрастающей роли субъективного фактора.

С позиций осуществляющих управление структур усложнение систем, с которыми они работают, естественно предполагает повышение значимости профессионализации управленческой деятельности, а, следовательно, повышение степени ее автономности от управляемых систем. На уровне предприятия это означает сужение поля реализации производственной демократии (одним из проявлений чего стал мировой кризис профсоюзного движения), на уровне стран – сокращение возможностей прямого воздействия масс в целом и отдельных социальных групп на выработку и реализацию политических решений.

Обсуждение этой ситуации в целом в наши задачи не входит уже по причине ее объёмности: мы выделяем, собственно, один, но значимый аспект, связанный с изменениями в характеристиках личности менеджера в условиях цифро-

визации. Однако рассматривать данный аспект мы полагаем необходимым на максимально широком фоне. Поэтому эмпирическим материалом для данной работы служит система дискурсов управленческой деятельности в условиях цифровизации. Эти дискурсы представлены в официальных документах, фиксирующих управленческие процессы; общественной полемике вокруг проблем цифровизации, функционирования и модернизации систем управления.

Спецификой материала определяется выбор методов исследования. Основным выступает, собственно, дискурсивный анализ комплексов высказываний различного типа, объединённых конкретными аспектами интересующей нас проблематики. Он дополняется в случаях, предполагающих углублённое осмысление конкретного текста (под текстом мы, вслед за Ж. Деррида, понимаем не только текст в физическом смысле, но любой визуальный материал, в определённом смысле, и любую событийную последовательность), нарративным анализом. В ряде ситуаций, применительно к целостным и значимым фрагментам реальности, применяется метод case study, анализа случая.

Обсуждение результатов исследования

В бюрократизированных системах цифровое развитие подменяется, как правило, адаптацией к цифровизации. В подобных системах большинство структурных единиц не обладает уровнем субъектности, достаточным для самостоятельного позиционирования по вопросам, не входящим в их непосредственную компетенцию. Программы цифровизации управления разрабатываются на высших уровнях иерархии, чем обуславливаются как некоторые преимущества централизованных систем, так и их недостатки в отношении перехода к новым моделям управления. Преимущества связаны с возможностями масштабирования, стандартизации, что особенно эффективно на этапах построения сетей; недостатки – с интеграцией цифровизации в рутинные управленческие практики.

Спектр возможных парадигм цифровизации управления включает различные вариации: от заурядного инструментального использования компьютеров, мало что меняющего в традиционных формах деятельности, до возможности абсолютного исключения человеческого фактора на основе более или менее полной автоматизации процессов. В последнем случае речь вовсе не обязательно идёт об использовании искусственного интеллекта в полном смысле, вполне достаточно в ряде случаев и простого упорядочивания процессов, сводящего их в чётко описанные алгоритмы. Впрочем, и такая форма цифровизации управления сегодня является скорее потенциальной возможностью, чем реальностью.

Сужается и пространство чисто инструментального использования компьютеров. Три десятка лет назад в большинстве организаций они воспринимались, как пишущие машинки с расширенным функционалом, но с тех пор и в управленческой деятельности, и в ее рефлексии работниками различного уровня произошли заметные изменения. Поэтому в современных условиях преобладающей стоит считать парадигму информационной поддержки принятия управленческих решений.

Разумеется, и такой подход отнюдь не является самоочевидным. Исторически существовали и продолжают в той или иной форме присутствовать в современных реалиях различные стратегии принятия решений, и большинство из них вообще не предполагает потребности в информационной поддержке. Прежде всего, сказанное относится к традиционалистским стратегиям, на протяжении большей части человеческой истории абсолютно доминировавшим, а также к возникшим в конкуренции с ними стратегиям опоры на универалистские (изначально мифологические, религиозные), концептуальные построения или харизму лидеров. Во всех этих случаях непосредственные исполнители не только не рефлексируют своей деятельности, но и принципиально отрицают

самую возможность подобной рефлексии.

Эволюция описанных парадигм представляет собой в определённом смысле историческую последовательность. В современных теориях социоантропогенеза существует несколько конкурирующих точек зрения относительно глубины человеческой истории. Но даже по самым скромным оценкам на период, в терминологии науки XIX столетия, «предыстории», приходится более 9/10 времени существования человечества как вида; он измеряется десятками тысячелетий, в то время как становление более или менее сложных социальных форм начинается самое раннее в 8-7 тысячелетии до н.э., причём фрагментарно, в отдельных регионах.

Было бы в корне неверно понимать традиционные культуры как общества с доминированием прямой демократии. Этот термин к ним может применяться только с существенным искажением описываемой реальности. Прямая демократия в чистом виде «работала» в полисах Древней Греции (причём, не во всех), распространяясь лишь на часть населения, на полноправных граждан. Что касается «военных демократий», стадию существования которых пережил ряд народов в эпоху «великого переселения» [30, Р. 90], они были ограничены условиями функционирования: поскольку экспансия была для данных социумов на данном этапе основной формой существования, а реализовывалась она через войну, некоторые дисциплинарные формы в их политической культуре возникли.

Наконец, если говорить о вечевых моделях управления на Руси, они включали элемент прямой демократии, но вписанной с помощью довольно сложных схем, прежде всего «ряда», в политические отношения совсем иного уровня [16]. Собственно, с этой точки зрения Древнюю Русь сопоставлять надо не с древнегреческими полисами, а с Римской республикой (с поправкой на различия между упорядоченной «лествицей» системой «земель» [26] и централизованным государством в Лациуме, распространившемся на всю Италию, а затем и на все Средиземноморье). Во всяком случае, славянофильские фантазии 30-50-х годов XIX столетия про исконную новгородскую демократию представляли собой довольно грубое упрощение исторической реальности.

Кроме того, не только Новгородская республика времён Мстислава Удатного [7], но и даже на полторы с лишним тысячи лет ранее Афины Перикла – это с точки зрения исторического развития общества относительно зрелые. Что же касается сообществ, принадлежавших эпохе доминирования традиционных культур, они не имели на протяжении большей части истории даже зачаточных структур управления. Социальное поведение действительно регулировала традиция. Этот механизм предполагал, прежде всего, определённую организацию личности: человек подчинялся традиции не из страха перед санкциями, не осознанно, а просто потому, что для большинства ситуаций имел в сознании готовые решения и не видел причин искать иных. Поэтому «опыт» этих эпох в нашей реальности не может иметь никакого применения.

Именно преодоление моделей организации поведения, свойственных традиционным обществам, породила модели власти, базирующиеся на авторитете (сакральном, неформальном, формальном), харизме, «мегамашине» «речных цивилизаций», различных формах прямой и представительской демократии. Насколько все эти формы далеки от современных смыслов, вкладываемых в соответствующие термины, позволяет понять частный, но показательный кейс Спарты. В современном массовом сознании этот полис воспринимается как пример диктатуры, и такое осмысление как будто соответствует и античной традиции, греческий мир на самом деле видел в Спарте некое извращение эллинских идеалов. Но диктатурой она была лишь вовне (включая отношение к илотам как не-членам общины).¹ Сами спартиаты жили, как им представлялось, в условиях народовластия. Другое дело, что спартанская система предполагала крайне низкий для античной Греции уровень автономии личности, по сути представляя

собой некую смесь элементов традиционного общества и полисной организации [29, Р. 111-162.].

Эти исторические экскурсы имеют к современности прямое отношение и отнюдь не только в смысле приложения к анклавным сообществам Амазонии или племенам Афганистана. Сложная динамика становления личности и социума нашла отражение в логике развития производственного менеджмента и государственного управления.

Производственный менеджмент, собственно, относительно позднее изобретение. Конечно, отдельные крупные производственные структуры имели место и на Древнем Востоке, и заметно шире в античности. Но, назвав вслед за Е. Замятиным, эргастулы фабриками,² мы несколько не приблизимся к пониманию принципов их работы, ограничиваясь грубой модернизацией. Говорить об управлении рабским трудом неправомерно потому, что раб был говорящим орудием. Его использование – часть технологического процесса, а не социальное взаимодействие. И точно так же в последующие эпохи любые формы использования принудительного труда собственно организации его как таковой не предполагают. Именно поэтому Средневековье, безусловно представляя собой регресс в плане технологий и особенно предельный регресс в плане логистики, в части социальных отношений, связанных с производством, было, напротив, прогрессом в сравнении с античностью. Другое дело, что этот прогресс предполагал разукрупнение производства, следовательно, и отказ от достигнутого уровня разделения труда, а, значит, и технологий. Тем не менее, несмотря на очевидное падение производительности труда как в сельском хозяйстве, так и в ремесле, экономика средневековья представляла собой выход из тупика, в котором оказались и «азиатский способ производства», и античный мир [24].

Эти системы были по-своему эффективны. Древний Египет мог не только воздвигать бессмысленные пирамиды, но и создавать и поддерживать масштабную систему ирригации в долине Нила, а Pax Romana создал впечатляющую логистическую модель, охватывавшую огромные пространства и способную поддерживать уровень урбанизации, превзойдённый лишь в середине XIX века. Но древнеегипетскую цивилизацию несколько раз сметали нашествия кочевников и народные восстания, наконец, она рухнула под напором персидской экспансии,³ а крах античной цивилизации стал в истории самым ярким примером социальной катастрофы. Но, главное, это были тупиковые модели, способные лишь достигать некоторого заданного уровня развития, переживать «перезагрузку», выходить снова на тот же уровень и снова терпеть крах. Это классический вариант циклического существования, которое и развитием называть некорректно.

Средневековье создало, на самом деле, противоречивые и плохо сбалансированные системы управления, включавшие массу «кутюмов» – фиксированных традиций, компонентов самых различных законодательных систем, несогласуемых в своей основе механизмов управления. Легендарная Столетняя война, многими полагаемая центральным событием европейской истории, порождена была, разумеется, противоречиями интересов элит, но легитимизирована противоречиями в нормах престолонаследия и вассалитета. Весь этот хаос неизбежно порождал инициативу индивидов и групп, взаимодействие которых и упорядочивало организацию экономики, общественных отношений.

На этом фоне даже опора на бытовую рациональность представляла собой прогресс в движении к обоснованности социального действия посредством

¹ Карпюк С. Спарта как тип полиса [Электронный ресурс] // Постнаука. URL: <https://postnauka.ru/video/64690> (дата обращения: 24.02.2023).

² Замятин Е.И. Бич Божий // Избранные произведения в двух томах; Том первый. Изд-во: «Художественная литература». Москва, 1990.

³ Ашенкамф Н.Н., Погорельская С.В. История мировых цивилизаций. М., Академия ГПС МЧС России, 2015. С. 26-28.

пусть упрощённого, но все же осмысления реальности, в то время как его мотивация волей трансцендентных сил, непостижимой мудростью лидера или тем, что «так всегда поступали», может приносить позитивные результаты, но не имеет под собой разумных оснований. Однако, хотя бытовая рациональность, разумеется, предполагает получение информации об объектах и процессах, с которыми работает, она не критична к источникам, достоверности, полноте этой информации.

Реальная полноценная потребность в информационном обеспечении может складываться лишь в практиках научного управления, когда решения обосновываются в рамках их интеграции в сложившуюся научную картину мира. Однако это верно лишь в социально-антропологическом смысле, на уровне абстракции, игнорирующем реальные управленческие взаимодействия. В жизни у любого решения есть субъект, характеристики которого определяются особенностями действующей модели управления.

Классическая веберовская бюрократия в идеале предполагает элиминацию субъективности в смысле исключения возможностей делегирования субъектности, независимых от общественных интересов. Собственно, немецкое общество эпохи, когда писал свои труды М. Вебер, помнило как компоненты жизненного опыта не только очень близкие к абсолютизму практики второго рейха, но и различную степень произвола свободных от общественного контроля властей многочисленных государств Германии до объединения. Естественно, на этом фоне М. Вебер разработал концепцию, акцентирующую позитивные моменты, связанные с развитием обезличенной бюрократии [4]. Однако отнюдь не идеальной оказалась как система управления в Веймарской республике, одним из создателей конституции которой выступил М. Вебер, так и последующие практики рациональной бюрократии [20].

В действительности только цифровизация несёт в себе возможность «перегрузки» бюрократической модели управления, повышения ее эффективности.

Один из аспектов трансформации бюрократической системы получил достаточно подробное отражение в научной литературе и, прежде всего, в публицистике в последние полтора десятилетия. Речь идёт о переосмыслении опыта попыток преодоления кризиса системы планирования в СССР, связанных с проектом ОГАС [2]. В современной науке сложился консенсус касательно признания неизбежности выбора, сделанного советским руководством в пользу «косыгинской» реформы. Этот выбор был обусловлен как недостаточностью технических и технологических решений, так и пассивным сопротивлением управленческого аппарата [5; 6; 14] полноценной реализации проекта ОГАС в 60-70-е годы XX в. В силу организационных и политических последствий этого выбора пересмотр принятых решений оказался невозможен в дальнейшем [15; 23; 28].

Понять реальные смыслы происшедшего в то время позволяет ещё один исторический экскурс. Советская система управления возникла с опорой на формы прямой демократии, неизбежной в силу обстоятельств ее возникновения, как следствия революции 1917 года. Ситуация гражданской войны способствовала успеху инициатив части партийного аппарата, склонной к выстраиванию централизованной, иерархической системы управления. При этом было бы наивно видеть олицетворение бюрократизации исключительно в личности И.В. Сталина; Л. Троцкий с его идеей «трудармий» был таким же сторонником диктатуры.

Тем не менее элементы самоуправления, прежде всего, делегируемого рабочим как носителям идеи диктатуры пролетариата, имели место. Они находили отражение в деятельности РАБКРИНа, уставе РККА, и, прежде всего, в самом существовании Советов, которые многие, в том числе деятели эмиграции, например, Л.П. Карсавин, расценивали как новую и близкую к идеальной форму демократии.

Однако путём, аналогичным тому, что позже реализовали в Югославии Э. Кардель и И.Б. Тито, СССР не пошёл. Сталинская программа индустриализации и коллективизации предполагала жёсткую централизацию управления, и, как следствие, особую роль плановых органов. Между прочим, идея придания законодательных функций Госплану принадлежала еще В.И. Ленину, и, вообще-то, неизбежно порождается отказом от «югославской модели». Это еще раз нашло подтверждение в реалиях начала 60-х годов, когда наличие в новой Программе КПСС целого раздела о переходе к коммунистическому самоуправлению никак не поколебало роли Госплана (несмотря на все попытки его реформирования в рамках перехода к совнархозам).

Разрушение «сталинского кристалла роста» произошло только по мере осознания советским руководством невозможности для примитивной бюрократической системы управлять вышедшей на радикально новый уровень сложности экономикой. В этих условиях и возникли идеи ОГАС, в наиболее чистом виде выраженные еще А.И. Китовым, который считал, что можно просто интегрировать информационные системы в существующую модель управления. Личностные характеристики людей, представлявших собой советские элиты, оказались, однако, таковы, что они приняли косыгинскую реформу, но не ОГАС.

Этот кейс примечателен в том плане, что демонстрирует также необходимость комплексного подхода к цифровизации. Она предполагает именно переход к научному управлению, а не использование науки в управлении. В свою очередь, этим обусловлена необходимость фундаментальных изменений в понимании личности управленца.

Значимость цифровизации в пространстве управленческой деятельности неуклонно и все большими темпами возрастает. Разумеется, это не означает ни «бунта машин», ни даже воплощения на практике интернет-мема «ChatGPT отнимет у тебя работу». Речь идет о процессах на уровне эволюции практик социальных взаимодействий и личностного развития.

В околофутурологической литературе 20-30-х годов XX в. популярными были алармистские описания «людей будущего» как своего рода андроидов, подвергшихся частичной замене органов кибернетическими протезами и, главное, усвоивших «машинный» стиль мышления. Последний понимался как полностью очищенный от эмоций, предельно рационализированный. В культовом сериале «Вавилон-Берлин» моделирование этой парадигмы для Тома Тыквера служит одним из главных инструментов конструирования драматургии данного произведения.⁴

В нашу эпоху в аналогичном сегменте дискурсивного поля И.А. Шнуренко,⁵ О.Н. Четверикова,⁶ А.В. Савватеев⁷ позиционируют свои конспирологические построения относительно «цифрового концлагеря», «мирового заговора цифровиков», направленного на утверждение «трансгуманизма» и вытеснение человека «постчеловеком».

Разумеется, в первой половине XX в. подобные модели «механизации человека» базировались на крайне упрощённых трактовках проблем искусствен-

⁴ См.: Реутова К. Под гипнозом: в России вышел немецкий сериал «Вавилон Берлин» // Информационный портал germania-online. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/kultur/kino/babylon-berlin/1943106> (дата обращения: 14.03.2023).

⁵ Шнуренко И.А. Писатель, независимый эксперт и спикер по теме искусственного интеллекта, основатель СМИ о высоких технологиях, сценарист. Автор книг «Номо Fractus/Человек взломанный» (2020), «Демон внутри. Анатомия искусственного интеллекта» (2020) // Игорь Анатольевич Шнуренко: биография и библиография. День. См.: АнтиТьюринг: канал Игоря Шнуренко. URL: <https://www.youtube.com/@user-ko1zs1vf8p> (дата обращения: 16.03.2023).

⁶ Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. URL: file:///C:/Users/admin/Downloads/diktatura_prosveshchennyh-2.pdf (дата обращения: 16.03.2023).

⁷ Образование и политика. В офисе Алексей Савватеев. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n5O-i5Em-Uk> (дата обращения: 20.03.2023)

ного интеллекта. Сегодня в условиях достаточно масштабного продвижения информатизации примитивность представлений столетней давности вполне очевидна. В настоящее время в развитых регионах абсолютное большинство людей, особенно в поколениях моложе сорока лет, постоянно взаимодействует с устройствами, обеспечивающими доступ в сеть или работу offline с различным контентом посредством применения программных продуктов различной степени сложности. При этом очевидна тенденция не к алгоритмизации их мышления, а напротив, его перестройки в направлении доминирования клиповых, по некоторым оценкам, и «кликковых» форм.

Мы, разумеется, не располагаем полной картой использования интернет-ресурсов в силу их масштабности, но по имеющимся оценкам, в совокупности пользователи 95-98% своего внимания уделяют потреблению музыки, фильмов, играм, общению в социальных сетях. По данным Internet World Stats, в глобальном рейтинге топ-100 запросов лидировали запросы на тему: социальные сети, видео-сервисы, мессенджеры, онлайн-кинотеатры, почтовые сервисы, погода, онлайн-переводчики, интернет-магазины, онлайн-карты.⁸ Все это деятельность на уровне реального индивидуального поведения, не подвергающаяся алгоритмизации (хотя в принципе, как показывает эффективная работа многочисленных ботов, алгоритмизация в этих областях поведения вполне возможна, люди просто к ней не стремятся). Таким образом, имеет место не рационализация распространённых форм социального поведения, а напротив, возрастание роли спонтанности.

Описываемые процессы отражаются на управленческой деятельности, во-первых, в меру происходящих в ее объектах изменений, во-вторых, в силу того, что и новые поколения управленческих кадров приходят из кардинально изменившейся среды и в существенной степени ею сформированы. Даже те, кто не принадлежит к поколениям «родившихся с айфоном в руках», воспринимают подвергшуюся осязательному омоложению культуру. Нам представляется, что в этих изменениях надо видеть не помехи деятельности по оптимизации управления, а, напротив, ресурсы для нее.

Радикально изменяемая информатизацией жизненная среда создаёт новые условия для формирования личности. Важно при этом не пытаться создать некие идеальные предпосылки для желательных тенденций в развитии человеческого капитала, а разумно использовать то, с чем мы в реальной жизни имеем дело.

Не следует однозначно оценивать феномен клипового мышления. В обычных для критики этого явления примерах, как правило, демонстрируются ситуации отсутствия мыслительных процессов как таковых. Листая ленту TikTok, человек, как правило, не размышляет об увиденном, а просто воспринимает поток зрительных раздражителей, в силу сложившихся культурных установок доставляющий ему удовольствие. Эти установки есть не что-то данное «человеческой природой», а продукт культуры: этнографией XIX столетия в ряде архаических сообществ зафиксировано отсутствие способности к восприятию фотографий, как таковых; неадекватным оказывалось и восприятие продуктов кинематографии людьми, впервые с ними столкнувшимися. Впрочем, точно так же человек может бездумно просматривать и наборы текстов, не вычлняя для себя смыслов.

Поэтому надо различать клиповое мышление и клиповое восприятие как разные операции.⁹ Что касается именно клипового мышления, то оно в ряде аспектов адаптивно, поскольку является одним из эффективных способов реагирования на избыточность неструктурированной информации. Собственно,

⁸ Что ищут пользователи в интернете: неожиданные цифры [Электронный ресурс] // Mail.ru. URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/53683-chto-iskali-polzovateli-interneta-v-2020-godu/> (дата обращения: 28.03.2023).

⁹ Зуйкова А. Что такое клиповое мышление и как извлечь из него пользу [Электронный ресурс] // РБК. Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60dad2ce9a794760a59e66f5> (дата обращения: 29.06.2021).

алгоритм осмысления не систематизированных данных и предполагает кодировку, сжатие информации с последующей ее структуризацией. Напротив, установка на пассивное восприятие линейных текстов не продуктивна в плане получения нового знания. Поэтому формируемая у активных пользователей сети привычка избирательного восприятия информации должна рассматриваться как позитивная.

Характерны для современной публицистики и предубеждения против геймификации общества. Разумеется, не следует искать позитива в тех формах геймификации, которые опять-таки приводятся в качестве иллюстраций ее вредоносности. Стоит помнить, однако, что крайние, разрушительные формы эскапизма имели место задолго до появления интернета. Игровая зависимость в XIX столетии была серьезным поводом для беспокойства как медиков, так и широкой общественности; во всех мировых религиях вырабатывалось двойственное отношение к отшельничеству, с одной стороны, одобрявшемуся, как отказ от «мирских соблазнов», с другой, осуждавшемуся в вариациях, связанных с отказом от социальности вообще. Что же касается подавляющего большинства геймерских сообществ, правильно говорить об объединяющей их игровой культуре.

Позитивной в контексте нашей темы в этой культуре является, прежде всего, свойственная ей установка на восприятие виртуальности как параллельной реальности. Именно эта характеристика была артикулирована еще три десятилетия назад в одной из первых попыток интерпретации игровой культуры таким мастером наблюдения российского общества, как В. Пелевин. Примечательно, что в его повести «Принц Госплана» геймерами выступали именно госслужащие, и дело здесь не только в том, что они относились тогда к одной из немногих групп населения, которым уже были доступны компьютеры. Разумеется, странно было бы одобрять увлечение играми в ущерб служебным обязанностям, но В. Пелевин в этом тексте демонстрирует и воздействие игровой деятельности на мышление людей.

Подчеркнём, что в публикациях по вопросам геймификации в сферах подготовки и оценки кадров акцентируются, как правило, аспекты, связанные с присутствием в играх коллективной работы, духа соревнования, и речь идёт, как правило, лишь о применении игровых форм в традиционных системах подготовки кадров. Между тем, более важно то, что компьютерные игры, во всяком случае, РПГ и стратегии, формируют не просто навыки, а базовые установки проектного мышления [19]. Операции моделирования оказываются сложными, часто недоступными для людей, привыкших воспринимать свою реальность как единственно возможную. Игровой опыт помогает эту слабость преодолеть.

Еще одно ложное утверждение критиков информатизации касается «вытеснения интернетом чтения». Некорректно оно уже потому, что интернет является не формой деятельности, а площадкой, на которой реализуются потенциально почти любые виды деятельности, в том числе, чтение. Неверно и то, будто люди стали меньше читать – подобное утверждение требует уточнения временных и социальных параметров. Большая часть человечества была просто неграмотна еще в середине XX в., да и что касается населения наиболее развитых стран, преувеличивать распространение читательской культуры не следует. В определённой степени особняком стоял СССР в силу особенностей проводимой культурной политики, но лишь на протяжении относительно короткого периода своей истории.

Разумеется, среди пользователей сети сегодня просмотр видео существенно преобладает над традиционным чтением. Однако если мы говорим не о художественной литературе, наглядное представление деловой информации через инфографику, презентации, видео эффективнее, нежели через текст. Именно в этом и реализуется визуальный поворот. Несомненно, гуманитарная культура необходима управленцу, но она может быть сформирована не через принуж-

дение к чтению, а через мягкое руководство развитием зрительской культуры. Предшествующие поколения приходили к фильму через книгу, но из этого не следует, будто такой путь является единственно правильным.

Наконец, обсуждения требует вопрос о типе формирования идентичности управленца в условиях информатизации. Опять-таки распространено заблуждение о неизбежности квантификации людей в сети, разрушении социальности интернетом. Строго говоря, обращать упреки такого рода к телевидению было бы более правомерно. В отличие от телевизора терминал, дающий доступ в сеть, изначально является интерактивным, предполагает коммуникацию. При этом, если на протяжении большей части истории человек был замкнут в ближайшем сообществе, в сети он по умолчанию интегрируется в общество как целое. Интернет впервые создаёт условия для снятия противоречий индивидов, малых групп, социума. Разумеется, эти противоречия не исчезают сами собой, речь идёт именно об оптимизации условий для работы в этом направлении. Представляется целесообразным в этих условиях акцентировать проектную идентичность управленцев, возникающую на основе самоидентификации через осознание своей принадлежности к разработке и реализации конкретных проектов.

Заключение

Проведённый в настоящей работе анализ подтверждает наличие консенсуса между большинством общества и государством относительно задач и форм цифровизации управления и, соответственно, необходимых изменений в подготовке и оценке работников данной сферы. В общественном поле существует и дискурс, построенный на негативном отношении ко всем формам электронного правительства и, шире, на преувеличении рисков, связанных с внедрением информационных технологий в целом. Осуществленный нами генетический анализ показывает ложность ретроградных трактовок информатизации как чего-то искусственно привнесённого, вопреки логике развития управленческих систем и «природе человека». Напротив, системы управления развивались, преодолевая грубый волюнтаризм, примитивную бюрократизацию в духе идей камерализма, в направлении все большего соответствия объективным условиям и тенденциям развития качеств личности людей, действительно способных эффективно выполнять функции в государственном аппарате.

В целом отбор, подготовка, экспертная оценка управленческих кадров в условиях информатизации предполагает понимание того, что эти люди сформированы цифровой средой и работают с людьми, погруженными в эту среду. Системы управления сегодня должны быть, собственно, саморазвивающимися, самообучающимися информационными комплексами, а люди, в них работающие, обладать, прежде всего, информационной культурой, постоянно взаимодействовать с различными компонентами сети.

Список литературы:

1. Атаманенко А.А., Златанов Б.Г. Сетевые сообщества и терапевтическое государство: Толерантное неприятие в эпоху цифровизации // PolitBook. 2021. № 2. С. 122-139.
2. Берг А.И., Китов А.И., Ляпунов А.А. О возможностях автоматизации управления народным хозяйством // Проблемы кибернетики. Выпуск 6. М.: Физматгиз, 1961. С. 83-100.

3. Бреслер М.Г., Рабогошвили А.А., Сулейманов А.Р. К вопросу о роли символического в идентификации человека информационного/цифрового общества // *Studia Culturae*. 2020. № 45. С. 18-34.
4. Вебер М. Бюрократия // *Личность. Культура. Общество*. 2007. № 1(34). С. 10-28.
5. Герович В.А. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 1(75). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/1/inter-net-pochemu-v-sovetskom-soyuze-ne-byla-sozdana-obshhenaczionalnaya-kompyuternaya-set.html>
6. Глушков В.М. Что скажет история? // Альманах «Восток». 2004. № 2(14) URL: https://web.archive.org/web/20100426165336/http://www.situation.ru/app/j_art_333.htm.
7. Гуреев М.В. Специфика политического сознания новгородцев. Взгляды на республику и монархию // *Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции 21-23 сентября 2008 г. Ч. 2. Новгород: Изд-во НовГУ, 2009. С. 191-201.*
8. Гуров О.Н. Метавселенные – из сумерек во тьму перелетая? // *Наука телевидения*. 2022. Т. 18. № 1. С. 11-46.
9. Касавина Н.А. «Digital Existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2020. Т. 3. № 4. С. 73-89.
10. Киселев В.В., Васильева Н.Г. Ценности профессиональной деятельности как предикторы корпоративной идентичности управленцев высшего звена в условиях цифровизации труда // *Человеческий капитал*. 2021. № 5-3(149). С. 236-246.
11. Козлова Ю.В. Умный город: проблема цифрового доверия / Ю. В. Козлова, И. А. Савченко // *Russian Economic Bulletin*. 2021. Т. 4. № 5. С. 23-27.
12. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*. 2019. Т. 16. № 3. С. 207-218.
13. Костина С.Н., Банных Г.А., Воронина Л.И. Профессионализация публичных служащих в условиях цифровизации: кейс Свердловской области // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2020. № 3(32). С. 73-85.
14. Кутейников А.В. Первые проекты автоматизации управления советской плановой экономикой в конце 1950-х и начале 1960-х гг. – «электронный социализм»? // *Экономическая история. Обзор*. 2011. № 15. С. 124-138.
15. Кутейников А.В. История проекта создания автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) в 1960–1980-х гг. // *Виртуальный компьютерный музей*. URL: https://www.computer-museum.ru/histussr/ogas_sorucum_2011.htm
16. Лукин П.В. «Народные собрания» у восточных славян: возможности сравнительного анализа // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2004. № 3(17). С. 5-11.
17. Масленникова Е.В., Шебураков И.Б., Татаринова Л.Н. Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022. Т. 22. №2. С. 324-336.
18. Мухаметов Д.Р., Симонов К. В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России // *Мир новой экономики*. 2021. Т. 15. № 3. С. 17-27.
19. Неруш Т.Г., Неруш А. А., Бирюков Д.И. Экономическое поведение пользователей онлайн-игр // *Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее*. 2019. № 4. С. 260-264.

20. Огольцова Е.Г., Косякова П. С. Феномен бюрократии в работах М. Вебера // Молодой ученый. 2022. № 50(445). С. 459-461.
21. Панова О.Б. Человек эпохи smart-technologies: рефлексия над антропологической проблематикой современности (философия - наука - искусство) // Человек как открытая целостность. 2022. №1. С. 328-341.
22. Петракова А.С. Влияние манипулятивных вмешательств на процессы идентификации и самоидентификации личности в условиях цифровых трансформаций // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 2. С. 80-85.
23. Смирнов А. История несостоявшейся реформы // Зеркало недели. 21-27 августа 2004. № 33 (508).
24. Страгис Ю.П. Концепция мировой экономической истории: предпосылки, принципы, методология, этапы // APRIORI. Электронный научный журнал. Серия: Гуманитарные науки. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mirovoy-ekonomicheskoy-istorii-predposylki-printsipy-metodologiya-etapy>
25. Управление талантами как HR-технология в цифровой экономике / Е. И. Елесина, А. А. Корниенко, А. В. Краснова, Д. Д. Михайлова // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика : Сборник научных статей. Т. 9. № 7. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью СВИВТ, 2021. С. 184-199.
26. Черепанов В.Д. Вечное самоуправление в древней славянской и средневековой русской истории // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2002. №1. С. 62-66.
27. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Коммуникативные и идентификационные трансформации как сущностные проявления цифровой культуры // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 2. С. 180-190.
28. Шилов В.В. «Анатолий Иванович Китов: осень патриарха» // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2015. № 4 (82). С. 122-127.
29. Hodkinson S. Was classical Sparta a military society? // Sparta and war / Eds Hodkinson S., Powell A. Swansea: Classical press of Wales, 2006.
30. Pierre Vidal-Naquet. Der schwarze Jäger. Denkformen und Gesellschaftsformen in der griechischen Antike. Frankfurt, 1989.

Principles of personal identification in the semantic space of digitalization of management

Yakovlev Lev Sergeevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volga Institute of Management, Saratov, Russian Federation

e-mail: lionel1801@gmail.com

Abstract

The prospects for personal development in the field of managerial activity related

to the informatization of society are discussed. The main content of the study is the analysis of the system of discourses of managerial activity in the context of digitalization. A genetic approach is being implemented to comprehend the logic of the impact of information technologies on the content and forms of management activities. The analysis made it possible to identify the key elements of the specifics of personal development associated with informatization: clip thinking, gamification, visual turn, project identification models.

Key words

• management digitalization • identification • personal development • human resources • gamification • scientific management •

References

1. Atamanenko A.A., Zlatanov B.G. Network communities and the therapeutic state: Tolerant rejection in the era of digitalization // *PolitBook*. 2021. N 2. P. 122-139.
2. Berg A.I., Kitov A.I., Lyapunov A.A. On the possibilities of automating the management of the national economy // *Problems of Cybernetics*. Issue 6. M.: Fizmatgiz, 1961. P. 83-100.
3. Bresler M.G., Rabogoshvili A.A., Suleymanov A.R. On the role of the symbolic in the identification of a person in the information/digital society // *Studia Culturae*. 2020. N 45. P. 18-34.
4. Weber M. Bureaucracy // *Personality. Culture. Society*. 2007. N 1(34). P. 10-28.
5. Gerovich V.A. Inter-Net! Why a nationwide computer network was not created in the Soviet Union. 2011. N 1(75). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/1/inter-net-pochemu-v-sovetskom-soyuze-ne-byla-sozdana-obshhenaczionalnaya-kompyuternaya-set.html>
6. Glushkov V.M. What will history say? // *Almanac «Vostok»*. February 2004. N 2(14). URL: https://web.archive.org/web/20100426165336/http://www.situation.ru/app/j_art_333.htm.
7. Gureev M.V. The specificity of the political consciousness of Novgorodians. Views on the Republic and the Monarchy // *Novgorodika-2008*. Veche republic in the history of Russia. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference September 21-23, 2008. Part 2. Novgorod: NovGU Publishing House, 2009. P. 191-201.
8. Gurov O.N. Metaverses – flying from twilight to darkness? // *Science of television*. 2022. Vol. 18. N 1. P. 11-46.
9. Kasavina N.A. «Digital Existence»: a digital turn in the understanding of human existence // *Digital Scientist: Philosopher's Laboratory*. 2020. Vol. 3. N 4. P. 73-89.
10. Kiselev V.V., Vasilyeva N.G. Values of professional activity as predictors of corporate identity of top managers in the conditions of digitalization of labor // *Human capital*. 2021. N 5-3(149). P. 236-246.
11. Kozlova Yu.V., Savchenko I.A. Smart city: the problem of digital trust // *Russian Economic Bulletin*. 2021. Vol. 4. N 5. P. 23-27.
12. Kondakov A.M., Kostyleva A.A. Digital identity, digital self-identification, digital profile: problem statement // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Informatization of education. 2019. Vol. 16. N 3. P. 207-218.
13. Kostina S.N., Bannykh G.A., Voronina L.I. Professionalization of public servants

- in the context of digitalization: the case of the Sverdlovsk region // Municipality: economics and management. 2020. N 3(32). P. 73-85.
14. Kuteinikov A.V. The first projects of automation of the management of the Soviet planned economy in the late 1950s and early 1960s. — «electronic socialism»? // Economic history. Review. 2011. N 15. P. 124-138.
 15. Kuteinikov A.V. The history of the project to create an automated system for managing the Soviet economy (OGAS) in the 1960s–1980s. // Virtual computer museum. https://www.computer-museum.ru/histussr/ogas_sorucom_2011.htm.
 16. Lukin P.V. «People's meetings» among the Eastern Slavs: the possibility of a comparative analysis // Ancient Rus'. Questions of medieval studies. 2004. N 3(17). P. 5-11.
 17. Maslennikova E.V., Sheburakov I.B., Tatarinova L.N. Analysis of the use of personnel reserves in the system of public administration // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2022. Vol. 22. N 2. P. 324-336.
 18. Mukhametov D.R., Simonov K.V. «Smart state»: prospects for the introduction of digital technologies of public administration in Russia // World of new economy. 2021. Vol. 15. N 3. P. 17-27.
 19. Nerush T. G., Nerush A.A., Biryukov D.I. Economic behavior of users of online games // Economic psychology: past, present, future. 2019. N 4. P. 260-264.
 20. Ogoltsova E.G., Kosyakova P. S. The phenomenon of bureaucracy in the works of M. Weber // Young scientist. 2022. N 50(445). P. 459-461.
 21. Panova O.B. Man of the era of smart-technologies: reflection on the anthropological problems of modernity (philosophy - science - art) // Man as an open integrity. 2022. N 1. P. 328-341.
 22. Petrakova A. S. The influence of manipulative interventions on the processes of identification and self-identification of a person in the context of digital transformations // Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). 2022. N 2. P. 80-85.
 23. Smirnov A. History of failed reforms. // Mirror of the week. August 21-27, 2004. N 33(508).
 24. Stragis Yu.P. The concept of world economic history: prerequisites, principles, methodology, stages // APRIORI. Electronic scientific journal. Series: Humanities. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mirovoy-ekonomicheskoy-istorii-predposylki-printsipy-metodologiya-etapy>
 25. Talent management as an HR technology in the digital economy / E.I. Elesina, A.A. Kornienko, A.V. Krasnova, D.D. Mikhailova // Actual problems of social and economic psychology: methodology, theory, practice: Collection of scientific articles. Vol. 9. N 7. Moscow: SVVT Limited Liability Company, 2021. P. 184-199.
 26. Cherepanov V.D. Veche self-government in ancient Slavic and medieval Russian history // Bulletin of Moscow University. Ser. 12. Political sciences. 2002. N 1. P. 62-66.
 27. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Communicative and identification transformations as essential manifestations of digital culture // Humanitarian of the South of Russia. 2022. Vol. 11. N 2. P. 180-190.
 28. Shilov V.V. «Anatoly Ivanovich Kitov: autumn of the patriarch» // Vestnik REU im. G. V. Plekhanov. 2015. N 4(82). P. 122-127.
 29. Hodkinson S. Was classical Sparta a military society? // Sparta and war / Eds Hodkinson S., Powell A. Swansea: Classical press of Wales, 2006.
 30. Pierre Vidal-Naquet. Der schwarze Jäger. Denkformen und Gesellschaftsformen in der griechischen Antike. Frankfurt, 1989.